

Государственная политика и опыт местных властей Восточной Сибири в организации помощи солдатским семьям (август 1914 – октябрь 1917)

Аннотация. Объектом исследования определена помощь населению в чрезвычайных обстоятельствах войн и революций. Предметом изучения является деятельность городских и уездных попечительств по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Под помощью (социальной поддержкой) будем понимать временные меры, направленные на содействие солдатским семьям в преодолении жизненных трудностей, вызванных Первой мировой войной. Помощь эта могла быть материальной, социально-бытовой, трудовой, юридической и др., а по форме осуществления – денежной или натуральной. Анализ ограничивается территорией Енисейской и Иркутской губерний Восточной Сибири, на примере которых можно составить представление о том, что происходило не только в жизни региона, но и страны в целом. Картина помощи солдатским семьям воссоздается на основе источников законодательного характера, опубликованных и неопубликованных (архивных) делопроизводственных документов, справочно-статистических материалов и периодической печати. Используются частно-исторические методы, а именно: сравнительный и синхронный. На примере отдельных учреждений раскрыты направления работы, численный и социальный состав попечителей, источники финансирования, виды и формы помощи. Сформулирован вывод, что деятельность попечительств формировалась под влиянием местных особенностей и локального понимания, что создало дифференциацию уровня помощи и условий доступности. Материалы статьи уточняют и расширяют научные знания о характере социальной помощи, факторах ее определяющих, широте форм и мер; создают дополнительные возможности для сравнительно-исторических исследований Сибири.

Ключевые слова: Первая мировая война, Восточная Сибирь, социальная помощь, виды помощи, формы помощи, казенный паек, солдатская семья, городское попечительство, уездное попечительство, благотворительные пожертвования.

Abstract. The article's designated research subject is the aid provided to the population under the extreme circumstances of war and revolution. The research object is the activity of city and uyezd fiduciaries for providing aid to the families of those called to war. Under the term aid (social support) we intend the temporary measures directed at helping soldiers' families in overcoming the daily difficulties caused by the First World War. This aid could be material or in socio-lifestyle assistance, employment, judicial help, etc., and in forms of realization – monetary or in natural form. This examination is limited to the territory of the Yeniseysk and Irkuts governorates in Eastern Siberia, on the example of which one can have an idea of what was going on not only in the life of the region, but also in the country in general. The picture of the aid provided to soldiers' families is recreated on the basis of sources of a legislative nature, published and unpublished (archival) clerical documents, reference-statistical material and periodic press. The author used particular historical methods, namely, the comparative and synchronic. On the example of separate institutions the author reveals the aid work's overall direction, the numbers and social composition of the organizers, the sources of financing, and the types and forms of aid. The author comes to the conclusion that the activity of the fiduciaries formed under the influence of

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Красноярского краевого фонда поддержки науки и научно-технической деятельности.
Проект «Революционная Россия: смена модели и практик социальной помощи в первой четверти XX века (на материалах Восточной Сибири)» № 16–11–24002.

local particularities and local understandings, which created a differentiated level of help and conditions of accessibility. The article's material specifies and expands the established scientific knowledge regarding the nature of social aid, its defining factors, scope of forms and measures; this further creates additional possibilities for comparative-historical analyses of Siberia.

Key words: *First World War, Eastern Siberia, social aid, types of aid, forms of aid, state dietary ration kit, soldier's family, city fiduciary, uyezd fiduciary, charity donations.*

В годы Первой мировой войны основной мерой государственной поддержки солдатских семей являлся ежемесячный казенный паек или так называемая кормовая норма, выплачиваемая деньгами из расчета стоимости в определенной местности 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли, 1 фунта постного масла на одного взрослого и в половинном размере – на ребенка до 5 лет [20, с. 943]. Исходными документами, устанавливающими перечень получателей пособия, порядок его назначения и получения послужили закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» (1912) и указ от 29 августа 1914 г. «О порядке приведения в действие закона от 25 июня 1912 г. в части, касающейся призрения семейств нижних воинских чинов, призванных на действительную военную службу». Круг потенциальных получателей пособия достаточно хорошо освещен в современной исторической литературе [3], [26], [28, с. 271–272], поэтому отметим только, что в военные годы ряд изменений законодательных норм был направлен на его расширение. Так, Совет министров Российской империи постановлением 25 ноября 1914 г. распространил право получать казенное пособие на семьи добровольцев, русских подданных, сражающихся в союзных войсках, на граждан союзных государств, воюющих в русской армии [26, с. 16]. Распоряжением Временного правительства от 5 апреля 1917 г. такое право получили семьи солдат армии и флота, проходящие действительную военную службу сверх установленных законом сроков [23, с. 141–142]. Как пишет Л. А. Булгакова: «22 июня 1917 г. под напором массовых требований солдат и их внебрачных семей, попечительств, общественных организаций, Советов и местных властей Временное правительство ... наконец-то приняло постановление о распространении правил о призрении семейств солдат на внебрачных жен, детей, матерей, братьев и сестер призванных солдат, а также на их приемных детей» [1, с. 208]. Другое дело, что размеры пайковых выплат (хотя и пересматривались при всяком существенном изменении цен) неизбежно отста-

вали от катастрофического роста цен на продовольствие и предметы первой необходимости, а из-за оскудения местных бюджетов, снижения притока пожертвований и развала благотворительных структур помощь солдатским семьям (и не только им) сворачивалась.

По наблюдениям публициста М. К. Лемке, служившего в Ставке Верховного главнокомандующего с сентября 1915 г. до июля 1916 г., гарантированные государством меры социальной поддержки семей воинов улучшали психическое состояние и социальное самочувствие военнослужащих на фронте и гражданского населения в тылу. Страх за жизнь жены, детей, «покрывал» у семейных ополченцев сознание долга перед родиной «в пролитии последней капли крови», ... каждый из них знал, что такое нужда, что такое оставленная семья. Поэтому, писал Лемке, получение продовольственного пайка «на местах успокоило ополченцев, они с большой верой отнеслись к будущему своих семей» [13, с. 18–19]. Уже в мае 1917 г. бедственное положение массы солдатских семей заставляло защитников родины оглядываться назад, вносило сомнение, упадок духа и лишало их той энергии, без которой борьба с упорным врагом немислима [2, с. 69].

В соответствии с законом «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» (1912) выдача пособий семьям возлагалась на органы крестьянского и городского самоуправлений. На селе этим должны были заниматься специально избранные волостные попечительства, а при их отсутствии – волостные старшины, в городских поселениях – городские управы (при упрощенном правлении – городские старосты), а также особые исполнительные комиссии, или особые городские попечительства. Они должны были проводить обследование личного состава семей и представлять свои заключения соответственно уездному совету крестьянских начальников или городской управе, которые определяли и окончательно назначали размер пособия каждой семье в двухнедельный срок. Далее сведения передавались в особое по призрению семей запасных присутствие при губернском правлении, которое сообщало казенной палате сумму необ-

ходимого для обеспечения этих пособий кредита, а сметы для утверждения отсылались через губернатора в Министерство внутренних дел. Деньги, подлежащие единовременной выплате, переводились казенной палатой в уездное казначейство и выдавались в причитающихся суммах под расписку волостным старшинам, а по городу – члену городской управы (городскому старосте). Периодичность выдачи пайка устанавливалась для сельской местности 4 раза в год за три месяца вперед (в сентябре, декабре, марте и июне), для городской – ежемесячно за месяц вперед [20, с. 944–945], [17, с. 12–13]. Новеллой от 29 августа 1914 г. стало изъятие у уездного съезда крестьянских начальников надзорных и контролирующей функций за деятельностью волостных попечительств и их передача в новосозданные учреждения – уездные попечительства. Предписывалось формировать правление попечительств из наиболее авторитетных и влиятельных представителей местной администрации и общественности в целях тесного единения с правительственными учреждениями [4, с. 167].

Выборы в волостные попечительства проходили спешно и в ряде случаев формально. Во-первых, потому, что в двухнедельный срок со дня объявления мобилизации все обследование попечительствами должно было быть закончено и представлено в уездный съезд крестьянских начальников. Во-вторых, потому, что выборы совпали с массовым призывом военнообязанных запаса в армию. В-третьих, крестьяне были отвлечены на уборочную страду и на поставки лошадей в армию. Население, мало знакомое с новыми законами, слабо использовало расширенные полномочия сельских сходов избирать в волостные попечительства женщин и лиц всех сословий, отчего предпочтение отдавалось рядовым крестьянам или завсегдашним волостным правлениям. Там, где выборы не состоялись, в должность попечителей вступали волостные старшины. Поэтому, вопреки намерениям закона, призрение семей призванных в ряде местностей оказалось по-прежнему в руках низшей сельской администрации, злоупотребления которой при назначении и распределении казенных пособий в годы Русско-японской войны, как помечено исследователями [10], [14], [27], породили многочисленные конфликты с частью сибирского крестьянства.

Численный состав уездных попечительств по оказанию помощи семьям лиц, призван-

ных на войну, зависел от величины уезда, количества участков крестьянских начальников и численности губернских/областных по крестьянским делам присутствий. Чаще он включал небольшой коллектив оплачиваемых работников (10–15 человек) и волонтеров (40–50 человек). В этих учреждениях, по свидетельству очевидца, «были смешаны в одну кучу решительно все уездные чиновники всех ведомств (не забыто было и духовное ведомство) со всеми общественными деятелями» [7, с. 84]. В Красноярске попечительство было сформировано из гласных городской думы (16 человек) и служащих (20 человек) различных фирм и учреждений [6, д. 2, л. 100]. В Иркутске выдачу пособий проводила исполнительная благотворительная комиссия, а обследование семей нижних воинских чинов – 103 районных попечителя, избранных городской думой. Среди районных попечителей большой процент (50) был женщин, (8,73), священнослужителей, (6,79) гласных городской думы [подсчитано по: 8, с. 99–100], [16, с. 10].

Основную тяжесть работы по организации обследования и выдачи кормового пособия несли волостные попечительства, что подтверждается количеством выданных пайков на 1 сентября 1917 г.: в Енисейской губернии – 379 тыс. в уездах и 18,3 тыс. в городах; в Иркутской губернии соответственно 155,6 тыс. и 15,5 тыс. [22, с. 49]. Следует учесть, что работу городских попечительств облегчала небольшая, сравнительно с уездом, территория, возможность привлекать ресурсы иных благотворительных организаций и учреждений.

Дополнительную помощь солдатским семьям попечительства устраивали самостоятельно, исходя из ситуации на местах и бюджетных возможностей. Источниками поступлений были как целевые средства земских и городских органов, так и пожертвования, собранные сотрудниками и волонтерами. В арсенале методов привлечения благотворительных средств, – пишет И. П. Павлова, – «мы находим весь спектр мероприятий, который был использован в практике благотворения в довоенный период» [19, с. 22]. Привлечение финансовых средств во многом зависело от активности и предприимчивости организаторов, репутации попечительств в глазах общественности. После волны патриотического подъема в начальный период войны, когда объем пожертвований был значительным, в 1915 г. попечительства оказались в сложной ситуации. Приток пожертвований к середине 1915 г. зна-

чительно сократился, а потребности в помощи в связи с событиями на фронте и массой новых призванных возросли.

На экстренном заседании 9 декабря 1915 г. члены Красноярского городского попечительства по призрению семей призванных нижних чинов обсуждали вопрос острой нехватки денежных средств. Имеющаяся в наличности сумма (2003 рубля 73 копейки) не могла удовлетворить из числа зарегистрированных 2179 семейств (7068 душ), пользующихся пайковым пособием, а частью и квартирным пособием 1054 семьи (4608 душ), т. к. требовалось 5660 рублей. Из числа семей, получающих квартирное пособие, 577 семейств были городскими жителями, а 447 приезжими из уездов губернии. Наплыв семей в поисках пособия крайне осложнял работу попечительства (с 1 октября по 8 декабря 1915 г. было вновь зарегистрировано 483 семьи) [15, с. 575]. Большинство солдаток оставляло на произвол судьбы заведенное хозяйство, следуя за мужьями, служащими в воинских частях. После отправки мужей в другие города, женщины обращались с просьбой выдать квартирное и продовольственное пособие. Лучшие условия благотворительной помощи в городе привлекали внебрачных жен солдат, которые приезжали из окрестных сел и деревень потому, что там им «никакого пособия не дают» [21, с. 74–75]. В то же время красноярский городской голова С. И. Потылицын отмечал «развращающий характер денежной помощи», т. к. солдатки, несмотря на громадный недостаток прислуги в городе, предпочитали не работать и жить на небольшое пособие [6, д. 2, л. 3], а «многие не шли работать еще и потому, что боялись потерять пособия» [19, с. 24]. «Было замечено, что солдатки г. Иркутска получали пособие одновременно из разных мест» [12, с. 897], а в Красноярске продолжали получать пособие после возвращения супруга с театра военных действий [15, с. 582]. Все это указывает на недочеты работы попечительства, потребность в перепроверке списков получателей пособий, необходимость согласованных действий с другими организациями и учреждениями.

Какие еще существовали практики помощи?

Ужурское волостное отделение Ачинского уездного Комитета по призрению семей лиц, призванных на войну (Енисейская губерния) в 1914 г. оказало «малосостоятельным и совершенно несостоятельным солдатским семьям» (а это почти каждая пятая семья) помощь в весен-

них полевых работах; обеспечило им ежемесячные денежные выплаты из расчета 50 копеек на одного ребенка от рождения до 5 лет и 1 рубль каждому взрослому нетрудоспособному члену семьи, ребенку от 5 до 15 лет. Дополнительно, «из дара купца И. И. Зимина», остронуждающиеся семьи получали ежемесячного (по условиям – до окончания войны) от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ кирпича чая, муки – по желанию, вместо денег, по цене 50 копеек за пуд [18, с. 7–8].

Комитет по оказанию помощи семействам призванных на войну, организованный при Минусинском городском управлении, предоставлял солдатским семьям отсрочку городских платежей, освобождал от налога за выпас скота. Развитие получили денежные выплаты семьям для аренды жилого помещения, единовременные компенсационные выплаты стоимости лекарств, теплой одежды, дров. Одновременно, вставшие на учет в попечительство семьи, получали пособие из кассы местного Дамского комитета, что в общей сумме значительно превышало размер казенного пайка [21, с. 52].

В Ачинске городское попечительство ежемесячно выплачивало всем зарегистрированным членам семьи по 1 рублю, как дополнение к казенному пособию. Женам-одиночкам, за исключением нетрудоспособных, пособие не назначалось, а внебрачным семьям оно выплачивалось в размере, всего на несколько копеек ниже казенного пособия. Кроме того, семьи получали бесплатную медицинскую помощь в городской лечебнице, а солдатки-роженицы – акушерскую помощь в городском родильном доме [21, с. 46–47].

Канский городской Комитет по оказанию помощи семьям запасных и ратников ополчения первоначально выдавал пособие в половинном размере казенного пайка исключительно семьям разночинцев, согласно условиям местного мещанского общества, ассигновавшего на этого свои средства. Но уже с октября 1914 г., «когда средства более или менее определились», выплаты были приравнены к размеру казенного пайка и назначались беднейшим и внебрачным семьям. В январе 1915 г. поддержки были лишены бездетные жены воинов [21, с. 58–59].

В этой связи заметим, что «любую средне-статистическую семью Сибири начала XX в., которая лишилась работника, можно было считать малоимущей. Ведь большинство женщин не имело самостоятельного заработка» [9, с. 257]. Минусинский городской голова П. А. Бахов,

утверждал, что 55,3 % семей из числа получающих казенный паек, не могли в мае 1915 г. обойтись без добавочной выдачи [21, с. 52], а красноярский городской голова С. И. Потылицын считал необходимым увеличить казенный паек минимум на 50 % [21, с. 14]. Действительно, пособия было недостаточно для удовлетворения самых насущных потребностей при возрастающем росте рыночных цен на продукты и промышленные товары широкого потребления; разница в размере пайка в городах и селах и по отдельным губерниям давала населению повод для недовольства. В условиях дороговизны началась фальсификация продуктов на рынке. Сахар подделывали добавлением талька, гипса, мела, вместо уксуса продавали серную кислоту, меда – клей и т. д. Страдали от этого беднейшие слои населения, привыкшие экономить на продуктах. Весной 1915 г. в Красноярске и Канске широкий размах получили «голодные бунты», направленные против дороговизны и спекуляции. Особо активную роль в них играли солдаты и солдаты местного гарнизона, принимавшие участие в столкновениях с полицией [11, с. 34–35], [24, с. 470]. Все это протекало на фоне сокращения дополнительных пособий топливом, одеждой и обувью, продовольствием, квартирными деньгами и пр., предоставляемых семьям нижних чинов органами местного самоуправления и благотворительными организациями. В Енисейской губернии «ввиду истощения средств» этот процесс четко обозначился в январе 1915 г. [6, д. 2, л. 102], [21, с. 46–47, 57–59].

Итак, в военные годы ряд изменений законодательных норм был направлен на расширение перечня потенциальных получателей казенного пособия. Обязательное участие орга-

нов общественного самоуправления в деле помощи солдатским семьям регулировалось еще довоенным законом 1912 г. Деятельность попечительств формировалась под влиянием местных особенностей, бюджетных возможностей и локального понимания, что создало дифференциацию уровня помощи и условий ее доступности. Вполне очевидно, что отсутствие единой системы расселения, рассредоточенность и социально-территориальная изолированность населенных пунктов друг от друга, громадные масштабы и неравномерность заселения территории осложняли получение помощи, прежде всего сельским жителям. При организации выдачи пособий, как справедливо отмечает И. П. Павлова, существовали не только организационные и финансовые проблемы, но и морально-психологические [19, с. 24]. Размеры пайковых выплат отставали от катастрофического роста цен на продовольствие и предметы первой необходимости, а из-за оскудения местных бюджетов, снижения притока пожертвований и развала благотворительных структур помощь солдатским семьям сворачивалась. Представляется ошибочным утверждение, что «в основном в Сибири помощь оказывали семьям выборочно, она зависела от имущественного ценза, политической благонадежности, количества детей, благосостояния родственников и односельчан. Вот почему в зажиточных Бургузинском, Еловском, Тулун и других селах Иркутской губернии помощь получили менее 50 % солдатских семей» [5, с. 311]. Возможно, что критерии, которые приводит автор цитаты, применялись попечительствами при назначении семьям дополнительных пособий или при отсутствии государственного обеспечения.

Библиография:

1. Булгакова Л. А. Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // Власть, общество и реформы в России в XIX-начале XX века: исследования, историография, источники. СПб: Нестор-История, 2009. С. 183–214.
2. Булгакова Л. А. Положение солдатских семейств в 1917 году (По материалам правительственной корреспонденции) // Новейшая история Отечества XX-XXI век. Вып. 2. Саратов: Наука, 2007. С. 68–84.
3. Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: Помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: Из истории России второй половины XIX-начала XX века: материалы конференции памяти В. С. Дякина, 24-25 мая 1999 г. / ред. Р. Ш. Ганелин, Б. Б. Дубенцов, И. В. Лукоянов. СПб., Кишнев: Nestor-Historia, 2001. С. 429–493.
4. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени / сост. С. М. Левин. [В 2 т.]. Т. 1: Июль 1914 г.-апрель 1915 г. Пг.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, комиссионера государственной типографии, 1915. 728 с.
5. Горелов Ю. П. Вклад сибиряков в защиту отечества в войнах начала XX в. : диссертация доктора исторических наук: 07.00.02. Кемерово. 2003. 520 с.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. 132. Оп. 1.
7. Дашкевич Л. К организации деревни. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. 1915. Книга X.

8. Журнал Иркутской городской управы, состоявшийся на 31 июля 1914 г. // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1914. № 9–10. Официальный отдел. С. 99–100.
9. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX-начала XX в. / К. А. Анкушева, Г. А. Бочанова, Е. А. Дегальцева, А. К. Кириллов, Г. А. Ноздрин, М. В. Шиловский, Л. Б. Ус. Новосибирск, ИД «Сова», 2006. 352 с.
10. Катцина Т. А. Характеристика жизненного уровня, организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (32). С. 68–79.
11. Комарова Т. С. Тем, кто в забвенье брошен судьбой: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. 120 с.
12. Комитет Андреевского Красного Креста при иркутском архиепископе и его деятельность с 18 августа 1914 г. по 1 сентября 1915 г. // Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. 1915. № 24. С. 886–898.
13. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке: (25 сентября 1915-2 июля 1916 гг.). Пб.: Государственное издательство, 1920. XVIII, 859 с.
14. Ноздрин Г. А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX-начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2005. Вып. 288. С. 143–150.
15. Обзор деятельности Городской Думы за ноябрь и декабрь 1915 г., журналы № 235–269 // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 21–22. С. 520–609.
16. О-в И. Несколько слов о деятельности городской благотворительной комиссии // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1914. № 6–7. Неофициальный отдел. – С. 10
17. О призрении семейств нижних чинов, призванных из запаса в ряды войск // Сибирская деревня. 1914. № 21. С. 12–13.
18. Отчет о деятельности и состоянии Ужурского местного комитета по призрению семей лиц, призванных на войну, за время с 5 сентября по 31 декабря 1914 г. // Енисейские губернские ведомости. 19 мая 1915 г. С. 7–8.
19. Павлова И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны; Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2003. 152 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. т. XXXII. Отд. 1. № 37507. Пг.: Государственная типография, 1915. С. 935–945.
21. Протоколы первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в гор. Красноярске 15-17 июня 1915 г. Красноярск: электротипография епархиального братства, 1915. 117 с.
22. Россия в мировой войне 1914-1918 года: (в цифрах). – М.: тип. М.К.Х. имени Ф. Я. Лаврова, 1925. 103 с.
23. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля-5 мая 1917 г. Пг.: Государственная типография, 1917. VI, 2, 555 с.
24. Сидоров А. И. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 662 с.
25. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова : (Записи заседаний и переписка) / С.-Петербург. фил. Ин-та Рос. истории РАН и др.; редкол.: Б. Д. Гальперина (гл. ред.) и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 558 с.
26. Чубаров А. И. Социальная опека солдатских семей в эпоху Первой мировой войны (на примере Курской губернии) // Ученые записки Курского государственного университета: электронный научный журнал. 2015. № 4 (36). С. 32–39.
27. Шиловский М. В. Влияние Русско-японской войны 1904-1905 г. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12–16.
28. Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII-начале XX в. Тамбов: «Издательство Юлис», 2004. 508 с.

References (transliterated):

1. Bulgakova L. A. Nevenchannye soldatki: bor'ba za priznanie grazhdanskikh brakov v gody Pervoi mirovoi voyny / L. A. Bulgakova // Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii v XIX-nachale KhKh veka: issledovaniya, istoriografiya, istochniki. SPb: Nestor-Istoriya, 2009. S. 183–214.
2. Bulgakova L.A. Polozhenie soldatskikh semeystv v 1917 godu (Po materialam pravitel'svennoi korrespondentsii) // Noveishaya istoriya Otechestva XX-XXI vek. Vyp. 2.Saratov: Nauka, 2007. S. 2007. S. 68–84.
3. Bulgakova L. A. Privilegirovannye bednyaki: Pomoshch' soldatskim sem'yam v gody Pervoi mirovoi voyny // Na puti k revolyutsionnym potryaseniyam: Iz istorii Rossii vtoroi poloviny XIX-nachala XX veka: materialy konferentsii pamyati V. S. Dyakina, 24-25 maya 1999 g. / red. R. Sh. Ganelin, B. B. Dubentsov, I. V. Lukoyanov. SPb., Kishenev: Nestor-Historia, 2001. S. 429–493.
4. Vazhneishie zakony, ukazy i rasporyazheniya voennogo vremeni / sost. S. M. Levin. [V 2 t.]. T. 1: Iyul' 1914 g.-aprel' 1915 g. Pg.: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova, komissionera gosudarstvennoi tipografii, 1915. 728 s.
5. Gorelov Yu. P. Vklad sibiryakov v zashchitu otechestva v voynakh nachala KhKh v. : dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. Kemerovo. 2003. 520 s.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya. F. 132. Op. 1.
7. Dashkevich L. K organizatsii derevni. Vydacha v derevne prodovol'stvennogo paika sem'yam voynov // Russkaya mysl'. Ezhemesyachnoe literaturno-politicheskoe izdanie. 1915. Kniga Kh.
8. Zhurnal Irkutskoi gorodskoi upravly, sostoyavshiysya na 31 iyulya 1914 g. // Vestnik Irkutskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. 1914. № 9–10. Ofitsial'nyi otdel. S. 99–100.
9. Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroi poloviny XIX-nachala XX v. / K. A. Ankusheva, G. A. Bochanova, E. A. Degal'tseva, A. K. Kirillov, G. A. Nozdrin, M. V. Shilovskii, L. B. Us. Novosibirsk, ID «Sova», 2006. 352 s.

10. Kattsina T. A. Kharakteristika zhiznennogo urovnya, organizatsiya i mery sotsial'noi podderzhki naseleniya Sibiri v gody Russko-yaponskoi voiny // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2015. № 2 (32). S. 68–79.
11. Komarova T. S. Tem, kto v zabven'e broshen sud'boi: Eniseiskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny. Krasnoyarsk: Sibirskii pechatnyi dvor, 2007. 120 s.
12. Komitet Andreevskogo Krasnogo Kresta pri irkutskom arkhiepiskope i ego deyatel'nost' s 18 avgusta 1914 g. po 1 sentyabrya 1915 g. // Pribavlenie k Irkutskim eparkhial'nym vedomostyam. 1915. № 24. S. 886–898.
13. Lemke M. K. 250 dnei v tsarskoi stavke: (25 sentyabrya 1915-2 iyulya 1916 gg.). Pb.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920. XVIII, 859 s.
14. Nozdrin G. A. Sotsial'nyi protest sibirskogo krest'yanstva vo vtoroi polovine XIX-nachale XX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. Vyp. 288. S. 143–150.
15. Obzor deyatel'nosti Gorodskoi Dumy za noyabr' i dekabr' 1915 g., zhurnaly № 235–269 // Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. 1915. № 21–22. S. 520–609.
16. O-v I. Neskol'ko slov o deyatel'nosti gorodskoi blagotvoritel'noi komissii // Vestnik Irkutskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. 1914. № 6–7. Neofitsial'nyi otdel. – S. 10
17. O prizrenii semeistv nizhnikh chinov, prizvannykh iz zapasa v ryady voisk // Sibirskaya derevnya. 1914. № 21. S. 12–13.
18. Otchet o deyatel'nosti i sostoyanii Uzhurskogo mestnogo komiteta po prizreniyu semei lits, prizvannykh na voinu, za vremya s 5 sentyabrya po 31 dekabrya 1914 g. // Eniseiskie gubernskie vedomosti. 19 maya 1915 g. S. 7–8.
19. Pavlova I. P. Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny; Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. Krasnoyarsk, 2003. 152 s.
20. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 3-e. T. XXXII. Otd. 1. № 37507. Pg.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1915. S. 935–945.
21. Protokoly pervogo s"ezda predstavitelei gorodov Eniseiskoi gubernii i organizatsii pomoshchi prizvannym voynom i ikh sem'yam v gor. Krasnoyarske 15-17 iyunya 1915 g. Krasnoyarsk: elektrotipografiya eparkhial'nogo bratstva, 1915. 117 s.
22. Rossiya v mirovoi voine 1914-1918 goda: (v tsifrah). – M.: tip. M.K.Kh. imeni F. Ya. Lavrova, 1925. 103 s.
23. Sbornik ukazov i postanovlenii Vremennogo pravitel'stva. Vyp. 1. 27 fevralya-5 maya 1917 g. Pg.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1917. VI, 2, 555 s.
24. Sidorov A. I. Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny. M.: Nauka, 1973. 662 s.
25. Sovet ministrov Rossiiskoi imperii v gody pervoi mirovoi voiny. Bumagi A. N. Yakhontova : (Zapisi zasedanii i perepiska) / S.-Peterb. fil. In-ta Ros. istorii RAN i dr.; redkol.: B. D. Gal'perina (gl. red.) i dr. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999. 558 s.
26. Chubarov A. I. Sotsial'naya opeka soldatskikh semei v epokhu Pervoi mirovoi voiny (na primere Kurskoi gubernii) // Uchenye zapiski Kurskogo gosudarstvennogo universiteta: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2015. № 4 (36). S. 32–39.
27. Shilovskii M. V. Vliyanie Russko-yaponskoi voiny 1904-1905 g. na vnutrennyuyu zhizn' Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2004. № 2. S. 12–16.
28. Shcherbinin P. P. Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII-nachale XX v. Tambov: «Izdatel'stvo Yulis», 2004. 508 s.